

## Первая поездка Ильи Муромца (Встреча с разбойниками и укрощение Соловья-разбойника)

Из Киева ехать до Чернигова  
Кабы три девеноста было мерных верст,  
А кругом-то дорожечка — ровно деветь сот.  
А залёгала дорожка прямохожая,  
Прямохожая дорожка, прямоежжая —  
А не конному, не пешому проходу нет,  
А и доброму молодцу проезду нет,  
А и серому волку прорыску нет,  
А и черному ворону пролету нет:  
А сидит Соловеюшко-розбойницёк.  
А там срежалса удаленькой доброй молодець,  
А стары-де казак Илья Муромець.  
Он клал-де ведь заповедь великую:  
А проехать и дорогу прямохожую  
Мез заутреной-обедней воскресеньскою,  
А привезти Соловья в красен Киев-град —  
А не вымать из налучишша туга луку,  
Не вымать из кольцюжин каленой стрелы.  
А он седлал-де, уздал себе коня доброго:  
Он накладывал уздеценьку тесмянную;  
Он накладывал седёлышко черкальскойё;  
Он вязал-де подпруги да шолку белого,  
А ишше белого шолку шамахиньского.  
А двенаццать подпруг да всё шелковыя,  
Он тринаццату подпругу — через хребетну кость:  
«А нам не ради басы, а ради крепости!  
А не оставил бы конь миня на чистом поли  
А и серыем волкам меня на потарзанье,  
А и черным-то вранам на пограенье!»  
А только видели: молодець на коня скоцил,  
А не видели поездки молодецкое.  
Только видели: в поли курева стоит,

Курева-де стоит, дак дым столбом валит.  
Выежжаает-де старой на чисто полё,  
А он на то же на роздольицо широкоё.  
А под старым-то конь наубел весь бел,  
Грыва-хвос у его дак научерн-черна;  
А сидит-де старой на добром кони:  
А голова-де седа, да борода бела;  
А будто скацет жемцюг да россыпаицсэ,  
А у старого волосинки переменяюцсэ.  
А ишше едёт-де старой-от чистым полём.  
А не туця во поли подымаласе,  
А не облако из поля накаталосе —  
Накрывало станицьников числа-сметы нет:  
А хотят старика они бить и грабити,  
А хотят старика они испохабити.  
Говорыт же им старой-от седато<й>-ет:  
«Уж вы ой еси, станицьники всё мелкие!  
А ишше бить-то вам старого ноньце непошто,  
Да и взеть-то у старого вам нецего:  
Золотой казны с собою у мя не слуцылосе,  
И серебра у мя с собою не погодилосе —  
Только взято на чароцьку на винную,  
А на винну на чароцьку а подорожную  
А не множко, не мало — петьсот рублей!»  
Они стали приступать к ему пуще старого;  
А хотят старика они бить и грабити,  
А хотят старика они испохабити.  
Говорыт же им старой-от седатой-от:  
«Уж вы ой еси, станицьники всё мелкия!  
Ишша есь у мя шубоцька соболья —  
Ишша черные соболей сибирьских;  
А потянута шубка хрусцьцятый камкой;  
А у шубочки пугови вольячние —  
Кабы літы во льяк были красного золота,  
А выліваны соловьи, птицы садовыя;  
А у шубоцьки петёлки шелковыя —  
Ишше белого шолку шамахиньского.  
А ишше стоит эта шубочка петьсот рублей:  
Подаренья Владимера стольняго киевского!»

А они стали приступать к ему пушше старого:  
А хотят старика они бить и грабити,  
А хотят старика они испохабити.  
Говорит же им старой-от седатой-от:  
«Уж вы ой еси, станицьницьки всё мелкия!  
А ишше бить-то вам ноньче непошто,  
А и взеть-то у старого вам нецего.  
Ишше есь у мя кольцожина каленых стрел;  
Ишше кажная стрела стоит по пети рублей;  
А ишше трём я стрелам дак и цены не знаю —  
А было врезано каменьё самоцветное;  
А мне слуцицьсе-де ехать ночью в потемьи,  
А кидают они лучи подзорные!»  
Они стали приступать к старому пушше старого;  
А хотят же старика они бить и грабити,  
А хотят же старика они испохабити.  
А и первую заповедь старой розрушивал:  
Он вымал из налуцишша тугой лук,  
А он тугой-де лук да всё розрывцивой;  
Он вымал из кольцожин калену стрелу.  
Ишше стрелил-де старой-от во сырой дуб —  
А розлетелсэ сырой дуб во череньё же:  
Тут прибило станицьницьков цисла-сметы нет,  
Цисла-сметушки нет, пересметушки.  
Кабы едёт-де старой-от цистым полём,  
А доеждал же до лесов он до брянские —  
А заросла тут дорожецька прямохожая.  
А слезывал-де старой он со добра коня.  
Он одной-то рукой коня ведёт,  
А другой-то рукой он и лес и рвёт,  
Он лес ведь рвёт и мосты мостит.  
А садилса старой он на добра коня,  
Доеждал до Соловья он вёрст как за дваццэть.  
А услышал Соловеюшко-розбойницёк  
А он сильню поезку боғатырьскую —  
А засвистел Соловей по-соловьинному,  
Зашипел Соловейко по-змеинному,  
Заревел Соловеюшко по-зверинному:  
А под старым конь пал ведь óкараць.

А ишке бьёт-де старой коня по крутым бедрам:  
«Уж ты конь же мой, конь — да лошадь добрая!  
Не слышал ле ты свисту соловьиного?  
Не слышал ле ты рёву зверинаго?  
Не слышал ле ты шипу змеинаго?..»  
А под старым-то конь ведь стал на ноги.  
А подъезжает стары казак Илью[я] Муромець  
Ко тому же гнезду ко Соловьиному:  
А на двенадцати дубах было на столётних  
Да сидил Соловеюшко-розбойницёк.  
А вымал-де старой из налучишша тугой лук,  
А он тугой-де лук свой розрывцовой;  
А он вымал из кольцюжин калену стрелу —  
Он стрелил в Соловья ле да розбойника.  
Он попал Соловью он во правой глаз —  
Тут слетел Соловеюшко-розбойницёк,  
Он слетел, Соловеюшко, как овсяной сноп.  
Тут берёт стары казак Соловеюшка,  
А согибает его он в бораньей рог,  
А привешиват Соловья он ко стремяну —  
А повёз Соловья он в красен Киев-град.  
Он едёт дорогой прямохожою.  
А доехал до дому до Соловьяго;  
А говорит Соловья его старшая доць:  
«А евон едет батюшко, молоцца везёт!»  
А посмотрела да его меньшая доць:  
«А не батюшко молоцца везет, молодець — батюшка!»  
Тут скоцила жена Соловья-розбойника:  
«Уж вы ой еси, детоцьки мои родимые!  
А вы подите отмыкайте глубок подгреб,  
Вы берите казны всё бещотное —  
А выкупайте у молоцца своего батюшка,  
А вы упрашивайте его и уговаривайте!»  
А приежжаёт стары казак к его дому —  
А тут стрецяют Соловья дети родимые,  
Неучтиво со старым поговаривают.  
Ишке это-де старому не понравилось:  
Он выхватывал сабельку вострую —  
А пересек-перерубил Соловья породушку,

А не оставил Соловью он на семяна.  
А поехал стары казак в стольне Киёв-град  
Ко тому он ко князю ко Владимиру.  
Заежжаёт стары казак на широкой двор  
А становит коня ко красну крыльцу;  
А заходит стары казак на красно крыльцо:  
А ступешек до ступешка да изгибаицсэ.  
А у князя-та Владимира идёт почесьён пир.  
А заходил стары казак в грьдню княженевскую:  
Он ступаёт во грьдню ногой правою,  
Он крест-от кладёт по-писаному,  
Он поклон-от ведёт по-учоному,  
Он на все на четыре кругом стороны,  
Он князю Владимиру низко кланеицсэ,  
Он кнегинушки Опраксеи целом-де бьёт,  
Он целом-де бьёт да низко кланеицсэ.  
А говорит тут Владимир стольне-киевской:  
«Уж ты здрастуй, удаленькой доброй молодець!  
Ишше коёго города, ты коей земли?  
Ишше коего отца-матери?  
Ишше как, молодець, тебя именём зовут?»  
Отвечаёт стары казак Илья Муромець:  
«Я из города, города из Мурома,  
Из того я села Карачарова.  
Я кресьянской сын, деревень[с]кой же;  
А Ильей и меня зовут да и Ивановицем!»  
А говорыт князь стольней киевской:  
«А наливайте-ко чарочку зелена вина,  
подавайте Ильи сыну Ивановичу!»  
Тут примаицсэ старой за чару единой рукой,  
А выпиваёт он чарочку к единому духу.  
А наливали-де чарочку по второй-де раз,  
Подносили Ильи сыну Ивановицю —  
А выпивал-де Илья цяру к единому духу.  
А наливали-де цяроцьку по третьей раз,  
А подавали Ильи сыну Ивановичу —  
А выпивал Илья чарочку к единому духу.  
Ишше стал-де Илья ноньце навесели,  
Ишше стал же Илья поговаривать.

А говорит князь Владимир таковы слова:  
«Уж ты ой еси, удаленькой доброй молодець!  
Ты которою дорогою ехал в красен Киев-град?»  
Отвечаёт Илья сын Ивановиць:  
«Уж я ехал дорожецькой прямохожою,  
Прямохожою дорожкой ехал, прямоежжое!»  
А говорыт ему Владимир стольне-киевской:  
«Уж ты ой еси, Илья ты сын Ивановиць!  
А ишша как же проехал Соловья-розбойника?»  
Говорыт тут Илья сын Ивановиць:  
«Уж ты ой еси, Владимир стольне-киевской!  
Я привёз Соловья к тебе в стольне Киев-град».  
А говорыт тут Добрынюшка Микитич же,  
Говорыт же Олешенька Поповиць-от:  
«А в оцях же детинушка завираицсэ —  
А напилсэ детина зелена вина!  
Ишше где ёму проехать дорога прямохожая,  
Прямохожая дорожка, прямоежжая?  
Залёгла эта дороженька ровно триццать лет!»  
А говорит тут Владимир стольне-киевской:  
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиць млад!  
Ишше ой еси, Олешенька Поповиць-от!  
Вы подите посмотрите у добра коня,  
Ишше есь ле Соловеюшко-розбойницёк».  
А ставаёт Добрынюшка на резвы ноги.  
А пошли-де с Олешенькой Поповичем  
А проверить молоцца деревеньскаго,  
Доходили до коня Ильи Муромца:  
А стоит его конь, Ильи Муромца,  
А привязан Соловеюшко ко стремяну.  
А пошли они во грьдню княжоневскую  
А сказали князю Владимиру:  
«Уж ты солнышко Владимир стольней киевской!  
А ишше правда-де, верно, доброго молоцца:  
И весит Соловеюшко-розбойницёк!»  
А говорыт-то Владимир стольне-киевской:  
«Уж ты ой еси, Илья сын Ивановиць!  
Ты заставь Соловья петь по-соловьему,  
А зашипеть ёму по-змеиному,

Да заревети ёму по-туриному!»  
Тут пошли-де со князём на широкой двор;  
А подходил стары казак ко добру коню,  
А отвязал-отстёгнул он от стремена:  
«А ишше ну-ко, Соловеюшко-розбойницёк!  
А засвисти, Соловеюшко, ты полсвиста,  
Зашипи, Соловеюшко, ты полшипа,  
Зареви, Соловеюшко, ты полрева —  
А ты потешь-ко-сь князя со бо́рами,  
Со могучима его со бо́атыреми!»  
А засвистел Соловеюшко во весь свист,  
А зашипел Соловеюшко во весь шип,  
А заревел Соловеюшко во весь рёв:  
А все кнезья-бояра с ног попадали,  
Ишше сильние-могучие бо́атыри —  
А на карацьках по двору они заползали,  
А едва князь Владимир он жив стоит,  
Он со той душой кнегиной он Опраксией.  
Он едва, князь Владимир, слово вымолвил:  
«А уж ты ой еси, стары казак Илья Муромець!  
Ты уйми Соловеюшка-розбойника!»  
Ишша стал старой унимать Соловеюшка;  
А ишша этому Соловеюшко не веруёт,  
И поёт Соловеюшко громче прежняго.  
А на это же старой осержаицсэ:  
Он выхватывал в саду он столетьней дуб —  
Он брякнул Соловеюшка-розбойника.  
Ишше тут по Соловью славы поют,  
А славы-де поют да старину́ скажут.

*(Зап. А. Д. Григорьевым 16 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Тярсова Василия Яковлевича, 55 лет.)*

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.